

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.6>

UDC 316.4

LBC 60.56

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE IN SOCIAL DANGER OF CRIME

Lyubov V. Lobanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alexey P. Rozhnov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Social danger as a sign of crime was traditionally included in its definition in the Soviet criminal laws and is also mentioned in Part 1 of Article 14 of the current version of Criminal Code. However, with considerable attention to legal science, paid to the knowledge of this phenomenon, the social danger is not a fully studied phenomenon. Thus, the dialectic of the relation between the objective and the subjective in the social danger did not receive a uniform resolution.

Social danger is the characteristic of human behavior, assessed by other people through their perceptions of the dangerous and useful, and it leaves its mark when applying the categories of objective and subjective. Being a subjective reality according to the source of its origin (man) and the product of human consciousness, social danger, however, exists objectively - in supra-individual forms and connections that form a society in the system. Hence the social danger is a special kind of objectively subjective phenomenon.

The objectivity of public danger is also indicated by the fact that it is the subject of the cognitive activity of the legislator and can exist outside the legal field, without prohibiting the corresponding type of behavior in the law.

The subjective properties are growing in social danger through the knowledge of the public danger of an act by the subjects united by the collective notion "legislator". Moreover, subjectivity increases as a result of mistakes made by the legislator, it's a kind of lawmaking "negligence".

Acts reflected in criminal law are not always socially harmful from the point of view of the whole society. There are also prohibitions that protect purely class and group interests, which also expand the scope of the subjective in the analyzed phenomenon.

The Law initially arose to protect people from themselves, as a condition of their reproduction. At the same time, even with the human development, this mission of the law still exists, and there is always a certain proportion of "eternal crimes" in the law, which is prohibited to commit in order to protect fundamental human values (life, health, sexual freedom and integrity, property). However, in the criminal law of any society there is a so-called "variable part", where prohibitions declare certain actions to be socially dangerous only at a certain stage of the state's historical development. The combination of "eternal" and "variable" crimes in criminal law also indicates the objectively subjective nature of the phenomenon of public danger.

Key words: crime; public danger, material evidence of a crime, dialectic of objective and subjective, right, legal consciousness, society, legislator.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Любовь Валентиновна Лобанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Алексей Петрович Рожнов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Общественная опасность как признак преступления традиционно включалась в его дефиницию в советских уголовных законах и упоминается также и в ч. 1 ст. 14 действующего УК. Однако при значительном внимании правовой науки, уделяемом познанию данного феномена, общественная опасность все же остается не до конца изученным явлением. Так, не получила единообразного разрешения применительно к общественной опасности диалектика соотношения в ней объективного и субъективного.

Общественная опасность суть свойство человеческого поведения, оцениваемое другими людьми через их представления об опасном и полезном, что накладывает свой отпечаток на приложение к нему категорий объективного и субъективного. Будучи субъективной реальностью по источнику своего происхождения (человек) и продуктом человеческого сознания, общественная опасность, тем не менее, существует объективно – в наиндивидуальных формах и связях, которые в системе образуют социум. Отсюда общественная опасность – особого рода объективно-субъективное явление.

Об объективности общественной опасности свидетельствует и то, что она выступает предметом познавательной деятельности законодателя и может существовать и вне правового поля, без запрещения соответствующего вида поведения в законе.

Через познание общественной опасности деяния субъектами, объединяемыми собирательным понятием «законодатель», субъективных свойств в ней становится больше. Причем субъективизм увеличивается и вследствие допускаемых законодателем ошибок, своего рода правотворческой «халатности».

Далеко не всегда нашедшие свое отражение в уголовном законе деяния являются социально вредными с точки зрения всего общества. Существуют и запреты, защищающие сугубо классовые, групповые интересы, что также расширяет область субъективного в анализируемом явлении.

Право изначально возникло для защиты людей от самих себя, как условие их воспроизводства. При этом даже по мере развития человечества данное предназначение права не исчезает, поэтому в праве всегда существует определенная доля «вечных преступлений», запреты совершать которые направлены на защиту фундаментальных человеческих ценностей (жизнь, здоровье, половая свобода и неприкосновенность, собственность). Однако при этом в уголовном праве любого общества существует и так называемая «вариативная часть», запреты из которой объявляют отдельные деяния общественно опасными лишь на определенном этапе исторического развития государства. Сочетание в уголовном законе «вечных» и «вариативных» преступлений также указывает на объективно-субъективный характер феномена общественной опасности.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, материальный признак преступления, диалектика объективного и субъективного, право, правопонимание, общество, законодатель.

Преступление является исходным и фундаментальным понятием как отрасли уголовного права, так и уголовно-правовой науки. Поэтому неслучайно наличие законодательной дефиниции преступления, которое дается в ч. 1 ст. 14 действующего Уголовного кодекса РФ. «Преступлением, – гласит названная статья, – признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Как об этом можно судить из приведенного легального определения преступления, российский законодатель при принятии в 1996 г. первого постсоветского УК продолжил традицию законодателя советского, положенную в ч. 1 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. [7], поскольку вновь дал так называемое «формально-материальное» определение преступления. Иными словами, правотворец,

как и в названных Основах, включил в определение преступления два существенных признака, указывающих на общественную опасность (материальный признак) и противоправность (формальный признак) соответствующего деяния. При этом нормативное изложение формального признака было произведено впервые, так как до этого советский законодатель давал исключительно материальную трактовку преступления (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. [14], УК РСФСР 1922 [20] и 1926 [21] гг.), подчеркивая значимость идеологического критерия криминализации деяния и тем самым объясняя, почему то или иное деяние является преступлением, безотносительно от факта отражения опасного вида поведения в каком-либо законе или нормативном акте. Думается, подобное «отношение» к преступлению было неслучайным, поскольку позволяло в условиях гражданской войны и последовавших за ней коллективизации и индустриализации широко применять аналогию уголовного закона и проводить массовые репрессии.

Однако появление формального признака, хотя и сыграло свою роль в укреплении режима законности, но тем не менее не свело на нет и не вытеснило значение признака материального, который оставался и остается главным, или ведущим, признаком преступления [15, с. 20–23].

Несмотря на обилие научных трудов, уяснение общественной опасности остается дискуссионным. При этом одна из граней изучения общественной опасности заключается в том, какой категорией – объективной, субъективной или объективно-субъективной – выступает данное явление. В свою очередь, поставленный вопрос разбивается на ряд составляющих:

– применимы ли к общественной опасности деяния как части социальной реальности традиционные критерии объективного и субъективного;

– объективна ли общественная опасность деяния в том смысле, в котором она может существовать автономно от права, не отражаясь в его нормах;

– в какой мере субъективный фактор влияет на превращение общественной опасности деяния в общественную опасность преступления;

– всегда ли отражение в законе общественной опасности деяния соответствует представлениям всех людей конкретного социума;

– постоянна ли общественная опасность деяния, или же она изменяется вместе с изменяющимися условиями жизни конкретного общества, и как это влияет на диалектику объективного и субъективного.

Постараемся на обозначенные вопросы ответить.

Применимы ли к общественной опасности деяния как части социальной реальности традиционные критерии объективного и субъективного?

Большинством правоведов в самом общем виде общественная опасность определяется как способность деяния причинить вред отношениям, в рамках которых реализуются жизненно необходимые интересы личности, общества и государства [24, с. 113]. Таким образом, общественная опасность – это свойство поведения человека, причиняющего или создающего угрозу причинения вреда той или иной части человеческого сообщества или же всему обществу в целом. При этом данная категория очевидно оценочная, поскольку критерием оценки того или иного вида поведения в качестве опасного также выступают человеческие представления об опасном или неопасном, недопустимом и терпимом, полезном и т. д.

Следовательно, общественная опасность деяния – это исключительно социальный феномен, возникающий в обществе и для общества, продуцируемый людьми. И именно эта особенность общественной опасности накладывает свой отпечаток на объективную и субъективную составляющие данной категории.

Как указывает современными философами и социологами, при изучении окружающего природного мира мы называем его объективной реальностью, подчеркивая тем самым его независимость от нас и нашего сознания. В свою очередь психика или сознание в целом относятся к категории субъективной реальности, что указывает на их принадлежность человеку, его внутреннему миру, их автономии от мира внешнего. Однако и субъективная реальность – это все же реальность, она тоже в той или иной мере объективна, поскольку она хоть и возникает посред-

ством деятельности людей и как продукт их сознания, но способом ее объективации, передачи и существования являются вне- и надьиндивидуальные формы, связи и отношения, система которых образует такое явление, как человеческое общество.

Как пишет Л.И. Пахарь, «нас окружает мир артефактов, существующий вне нашего сознания, который также диктует нам правила функционирования в обществе. Но при этом этот мир артефактов, учреждения и организации, нравственные нормы и пр. возникли не естественным способом саморазвития, как природный мир, а при участии человека, в процессе его творческой деятельности при помощи сознания» [13, с. 132]. Поэтому, как справедливо замечает данный исследователь, «социальная реальность не может быть однозначно сведена к объективной или субъективной составляющей. Она – единство того и другого. Объективное и субъективное есть две стороны, два аспекта социальной реальности, которые своеобразно переплетаются друг в друге» [13, с. 132].

Все приведенные рассуждения вполне применимы и к общественной опасности, поскольку последняя является элементом, частным случаем, компонентом социальной реальности.

Существует ли общественная опасность деяния вне правового поля и объективна ли она?

Совершенно очевидно, что в том случае, когда мы пытаемся ответить на вопрос о существовании общественной опасности человеческого поведения вне права, категория «субъективное» прилагается к законодателю как к субъекту, познающему общественную опасность деяния и так или иначе отражающему ее в нормах позитивного права.

Большинство ученых положительно отвечают на данный вопрос, «в унисон» с текстом уголовного закона (ч. 1 ст. 14 УК РФ), который достаточно четко выделяет несколько признаков преступления, указывая на общественную опасность деяния в качестве одного из них. В этом смысле общественная опасность объективна, так как она существует независимо от воли законодателя, предшествует ее законодательному осознанию, возникает до формализации того или иного опасного вида

поведения средствами публичной власти. «Прежде всего опасными, – писал А.Э. Жалинский, – являются деяния, еще не получившие уголовно-правовой оценки... понятие опасности деяния является по своему содержанию именно материальным, существующим онтологически; оно имеет как социальное, экономическое, психологическое содержание, так и указывает на существующие либо потенциальные угрозы деяния для интересов страны – всеобщего блага» [6, с. 336].

Между тем было бы явным идеалистическим преувеличением представление о том, что законодатель всегда своевременно и, главное, адекватно запрещает реально опасные и непереносимые для общества деяния в уголовном законе. Не так уж и редки случаи нерасторпности законодателя, не поспевающего за запросами практики. Таким образом, всегда в любом государстве остается определенная доля массовидных человеческих поступков, которые, будучи «по факту» социально вредными, тем не менее не попали в уголовный закон, не объявлены преступными и в лучшем случае являются административными либо иными правонарушениями.

В этом смысле *общественная опасность деяния объективна*, поскольку она, во-первых, выступает объектом познавательной деятельности законодателя, а во-вторых, может существовать и существует вне правовой формы.

В какой мере субъективный фактор влияет на превращение общественной опасности деяния в общественную опасность преступления?

Будучи объективным качеством деяния, общественная опасность «становится свойством именно преступления только после оценки ее УК» [9, с. 68]. Но наивно было бы полагать, что то или иное предписание есть всегда линейное отражение в праве объективно опасного вида человеческого поведения, угрожающего общему благу, универсальным социальным ценностям и потому нуждающегося в уголовно-правовом запрещении. Субъектом, отражающим общественно опасное в позитивном праве (уголовном законе), является законодатель. Само по себе данное понятие, очень часто используемое в отраслевой юриспруденции, есть не более чем аб-

стракция, своего рода «собирабельный образ», некое «допущение». Как справедливо отмечает А.К. Соболева применительно к вопросу о постижении намерений законодателя, главная проблема состоит в том, как определить того субъекта, чье намерение мы пытаемся постичь? Ею же обращается внимание на множество субъектов, причастных к формированию государственной воли: помимо собственно парламента или монарха, это и люди, которые разрабатывали законы (авторы), министры, представлявшие его парламенту, депутаты, вносившие поправки, и т. д. [16, с. 129]

Неудивительно поэтому, что те или иные формы общественной опасности, которые познаны, «просеяны», опосредованы человеческим сознанием тех лиц, которые составляют «законодателя», «на выходе», в тексте закона могут существенно отличаться и от своего первоначального образа, и от намерений инициаторов запрета. «Результаты познавательной деятельности человека, – пишут Т.В. Душина и А.А. Лагунов, – с одной стороны, всегда несут на себе печать субъективности, поскольку познает человек, преломляя действительность сквозь призму своих чувств и разумно осмысливая ее, с другой – являются преобразованным в человеке отражением объективного мира» [5, с. 107].

Причем не всегда искаженный законодательный образ, «слепок» определенного вида опасного поведения есть результат именно сознательной, целенаправленной человеческой деятельности – зачастую такое искажение происходит неумышленно, является следствием ошибки, недосмотра, определенного разгильдяйства, своеобразной правотворческой «халатности», результатом включения так называемого «человеческого фактора» и пр.

Так, вряд ли при принятии Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» [18] законодатель сознательно ставил цель искусственно сузить круг тех форм половой страсти, использование которых взрослым лицом с согласия и в

отношении лиц в возрасте от 12 до 15 лет объявляется общественно опасным и, тем самым, преступным. Вместе с тем название статьи 134 (в действующей редакции) оказалось шире ее содержания: судя по названию ст. 134 Кодекса «Половое сношение и *иные действия* сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», законодатель стремился объявить преступными все виды половых контактов взрослого лица с лицами, не достигшими 16-летнего возраста. Между тем, дифференцируя ответственность в зависимости от возраста несовершеннолетнего потерпевшего в диапазоне 12–15 лет, количества потерпевших, группового способа совершения преступления и прежней судимости преступника за аналогичные преступления, законодатель в диспозициях ч. 1, 2 ст. 134 УК сузил круг наказуемых видов удовлетворения половой страсти, ограничив их только половым сношением (ч. 1), мужеложством и лесбиянством (ч. 2).

Изложенное наглядно иллюстрирует не только действие субъективного фактора, его активное включение в процесс познания, его влияние на конечное отражение объективной реальности, но и отсутствие рациональности, привнесение случайного в конечную законодательную модель определенного вида общественно опасного поведения.

Всегда ли отражение в законе общественной опасности деяния соответствует представлениям всех людей конкретного социума?

Уголовное право органично встраивается в национальную систему права, являясь его составной частью. Право же с точки зрения его современного нормативного понимания представляет собой «систему общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее *классовый* и *общечеловеческий* характер, издаются или санкционируются государством и охраняются возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [2, с. 106].

Как следует из приведенного определения, учеными, представляющими общетеоретическую науку, преодолены крайности двух подходов к правопониманию, сформировав-

шихся на советском и на раннем постсоветском этапах развития общеправовой науки: одна крайность состояла в исключительно классовой трактовке права как возведенной в закон воли господствующего класса, которая определяется материальными условиями жизни этого класса [12, с. 443]; другая же крайность, сформировавшаяся в период раннего постсоветского романтизма, преувеличивала роль современного государства и права как носителя народных (национальных), а не классовых интересов, как орудий и средств компромисса, согласия, уступок и т. п. [10, с. 49].

Как видим, современными нормативистами право рассматривается как выраженная в системе формально определенных, государственно-обязательных правовых предписаний общего характера «государственная воля, являющаяся результатом борьбы и сотрудничества различных политических сил и содержащая в себе официальную меру свободы членов общества» [4, с. 46].

Таким образом, если мы допускаем существование в праве классового элемента, то это требует допустить также и существование в уголовном законе запретов, защищающих интересы господствующего класса. Последнее означает, что общественная опасность может проявляться и заключаться не только в массовидных человеческих поступках, посягающих на общее благо, но и в поступках, посягающих либо угрожающих интересам того или иного класса, социального слоя, группы и т. д., требующих государственного вмешательства методом уголовной репрессии для защиты не всего общества, а лишь группы его субъектов. Противоположная тенденция – господствующий класс, страт ограждает себя в той или иной форме от возможного правового воздействия, смягчая или даже исключая таковое. Обычно последнее связано с защитой имущественных, экономических интересов.

Указанная первая разновидность проявления классового подхода к криминализации общественно опасных форм поведения проявилась сравнительно недавно в дополнении ст. 299 УК РФ частью третьей, установившей, наряду с ответственностью за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1, 2), также и ответственность

за незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3) [25]. О необходимости учета в УК всех форм незаконного поведения компетентного лица, способствующего развитию уголовного процесса в направлении осуждения и наказания очевидно невиновного лица, давно сигнализируют и теория, и практика [3, с. 10]. Реальность общественной опасности всех форм уголовного преследования явно невиновного лица сомнений не вызывает. Однако никакими иными, помимо классовых, соображений, ставящих во главу угла интересы формирующейся и сформировавшейся буржуазии, нельзя объяснить тот факт, почему законодатель объявил криминальным только такое возбуждение уголовного дела, которое влечет прекращение предпринимательской деятельности. Следовательно, по непонятным и рационально необъяснимым криминологическим соображениям все другие лица (непредприниматели), в отношении которых заведомо незаконно возбуждается уголовное дело, выпадают из сферы их защиты уголовным законом.

Примером второй разновидности проявления классового подхода к оценке общественной опасности, воплощающейся в необоснованной декриминализации и депенализации, является получивший на редкость единодушную резко отрицательную оценку представителей современной правовой науки и большинства общества Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [17] в той части, в которой данным Законом из УК РФ (ст. 52) исключался такой вид уголовного наказания, как конфискация имущества.

Практически ни у кого не вызывает сомнения, что лишение суда возможности применить так называемую «общую» конфискацию имущества означает отказ от единственной действенной меры противодействия коррупции. «Каждый коррумпированный чиновник любого уровня, – справедливо утверждает Т.П. Ивлиев, – знал, что в случае привлечения его к уголовной ответственности за получение взяток или иное корыстное преступление против государственной власти, интересов государственной службы конфисковано может быть все его имущество» [8, с. 17]. Теперь за свое богатство коррупционер мо-

жет не опасаться. Между тем коррупция уже на официальном уровне признана одной из главных угроз национальной безопасности. Таким фактором названное антисоциальное явление объявлено, например, в п. 43 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [19].

В подобных условиях объяснить принятие законодателем столь неконструктивного решения едва ли можно иначе, чем высказать убеждение в лоббировании проникшими во властные структуры субъектами интересов исключительно лиц, обладающих немалым имущественным потенциалом.

Приведенные соображения также не позволяют абсолютизировать объективность общественной опасности, сводить ее только к свойству посягательства на разделяемые всем обществом ценности.

Постоянна ли общественная опасность деяния, или же она изменяется вместе с изменяющимися условиями жизни конкретного общества, и как это влияет на диалектику объективного и субъективного?

Размышления об объективности общественной опасности могут быть построены и в зависимости от того, а существуют ли какие-то постоянные виды поведения индивида, стабильно оцениваемые в качестве общественно опасных и потому социально порицаемых?

Думается, нужно ответить положительно на поставленный вопрос. Заметим, что право при огромном разнообразии его трактовок, неоднозначности подходов к определению его сущности понимается все же правоведами и философами как особый тип регулирования поведения людей, который, «пресекая наиболее опасные формы зла, ...одновременно ...стоит на страже добровольно выбираемого добра» [23, с. 405]. Причем эти две стороны права возникают не одновременно с правом, а лишь по мере исторического развития и взросления общества.

Прежде всего право появляется как необходимость защиты людей от самих себя, как условие воспроизводства любого человеческого сообщества. На данную сторону права хорошо обращено внимание русским религиозным философом В.С. Соловьевым, который,

характеризуя связь между правом и нравственностью, полагал нравственное требование неограниченным и всеобъемлющим, тогда как право, по его мнению, «...есть низший предел или определенный минимум нравственности» [22, с. 783]; оно же «есть требование реализации этого минимума, то есть осуществления определенного минимального добра, или что то же, действительного устранения доли зла...» [22, с. 784].

По мере взросления общества на первый план наряду с сугубо запретительной и карательной стороной права выходят уже его регулятивные потенции, которые представляют собой государственно-обязательные гарантии известной автономии воли, свободы, частной инициативы индивида, включая и его защиту от произвола государственной власти [1, с. 54].

Вместе с тем, несмотря «на перераспределение» доли карательных и регулятивных начал по мере цивилизационного развития, потребность в праве как в защитнике фундаментальных моральных императивов, являющихся основой для воспроизводства социума, не исчезает.

Это, в частности, проявляется в том, что практически всегда в уголовном законодательстве всех народов и государств существует доля так называемых «вечных преступлений», «*malum in se*» (деяния, преступные по своему характеру), противоречащих естественным законам, фундаментальным основам жизнедеятельности, ставящих под угрозу существование общества. Вероятно, в связи с необходимостью противодействия такого рода поступкам (против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности личности, против собственности) и был заключен общественный договор и создано государство.

В свою очередь, в структуре преступного всегда имеется и «вариативная часть», или «*malum prohibitum*» – деяния, являющиеся преступными в силу их запрещения законом, то есть менее опасные, чем «*malum in se*», как не противоречащие естественному праву. И как раз-таки эта часть общественно опасного, оценка определенного сегмента человеческих поступков в таком качестве, напрямую зависит от господствующих и признаваемых в обществе ценностей на данном историческом отрезке его развития.

Жизнь того или иного общества и цивилизации в целом не стоит на месте, поскольку с течением времени человек создает как новые предметы материальной культуры, так и новые «психические, ментальные, умозрительные образования (умонастроения, интересы, теории, идеалы, выраженные в знаково-символической форме, ибо только при этом условии эти объекты могут стать данными для других участников процесса)» [11, с. 5], то есть и воспроизводит, и меняет социальную реальность. Соответственно по мере изменения материальной и духовной жизни изменяются и представления о должном и порицаемом, происходит своего рода «ревизия», «перераспределение» общественной опасности, что наглядно проявляется в процессах криминализации и декриминализации преступных деяний.

Таким образом, если на ранних этапах развития социума, в традиционном доиндустриальном обществе, доля «*malum in se*» стремилась к 100 % и практически исчерпывала все преступления, то уже в современном, более сложно устроенном, индустриальном обществе (обществе модерна) происходит существенное увеличение доли «*malum prohibitum*», то есть субъективное (вариативное) начало общественно опасного, продуцируемое новыми социальными нормами, ролями, образами, символами, знаками, связями и взаимодействиями, идеями, духовными ценностями, расширяется, увеличивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1993. – 223 с.
2. Байтин, М. И. Вопросы общей теории государства и права / М. И. Байтин. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2006. – 400 с.
3. Будяков, Н. А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК) и незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК): теоретические аспекты, проблемы законодательного описания составов и квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Будяков Николай Алексеевич. – Краснодар, 2007. – 29 с.
4. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
5. Душина, Т. В. Объективное и субъективное в религиозно-общественной жизни / Т. В. Душина, А. А. Лагунов // Философия права. – 2009. – № 5. – С. 107–112.
6. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 400 с.
7. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.
8. Ивлиев, Т. П. Гарантии законности применения конфискации имущества / Т. П. Ивлиев // Институт конфискации имущества в законодательстве государств членов Совета Европы и в российском законодательстве : материалы Междунар. семинара 26 окт. 2007 г. Белокуриха Алтайского края. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. – С. 14–18.
9. Кузнецова, Н. Ф. Признаки (свойства) преступления (гл. II) / Н. Ф. Кузнецова // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3. Понятие преступления / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. – С. 47–109.
10. Лившиц, Р. З. Теория права / Р. З. Лившиц. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.
11. Макаров, В. В. Онтологическая природа социальной реальности / В. В. Макаров // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2004. – Т. 1, № 7 (1). – С. 5–12.
12. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. – 2-е изд. – Т. 4. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – С. 419–459.
13. Пахарь, Л. И. Онтологические основания понятия социальной реальности / Л. И. Пахарь // Булгаковские чтения. – 2010. – Т. 3, № 3. – С. 130–137.
14. Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.11.2018).
15. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность : монография / В. С. Прохоров. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 136 с.
16. Соболева, А. К. Топическая юриспруденция / А. К. Соболева. – М. : Добросвет, 2001. – 225 с.
17. Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.
18. Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 10. – Ст. 1162.
19. Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
20. Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

21. Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

22. Соловьев, В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – Минск : Харвест, 1999. – 912 с.

23. Соловьев, Э. Ю. Прошлое толкует нас : (Очерки по истории философии и культуры) / Э. Ю. Соловьев. – М. : Политиздат, 1991. – 432 с.

24. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 600 с.

25. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7485.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow, BEK Publ., 1993. 223 p.

2. Baytin M.I. *Voprosy obshchey teorii gosudarstva i prava* [Problems of General Theory of State and Law]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2006. 400 p.

3. Budyakov N.A. *Privlecheniye zavedomo nevinovogo k ugolovnoy otvetstvennosti (st. 299 UK) i nezakonnoye osvobozhdeniye ot ugolovnoy otvetstvennosti (st. 300 UK): teoreticheskiye aspekty. problemy zakonodatelnogo opisaniya sostavov i kvalifikatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Bringing the Knowingly Innocent to Criminal Liability (Article 299 of the Criminal Code) and Illegal Release from Criminal Liability (Article 300 of the Criminal Code): Theoretical Aspects, Problems of Legislative Description of the Compositions and Qualifications. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2007. 29 p.

4. Voplenko N.N. *Ocherki obshchey teorii prava* [Essays on the General Theory of Law]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2009. 898 p.

5. Dushina T.V., Lagunov A.A. *Obyektivnoye i subyektivnoye v religiozno-obshchestvennoy zhizni* [The Objective and the Subjective in Religious and Social Life]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2009, no. 5, pp. 107-112.

6. Zhalinskiy A.E. *Ugolovnoye pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumentalnyy analiz* [The Criminal Law in Anticipation of Changes: Theoretical and Instrumental Analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p.

7. Zakon SSSR ot 25 dekabrya 1958 g. «Ob utverzhdenii Osnov ugolovnogo zakonodatelstva

Soyuza SSR i soyuznykh respublik» [The Law of the USSR of December 25, 1958 ‘On Approving the Bases of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics’]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1959, no. 1, art. 6.

8. Ivliev T.P. *Garantii zakonnosti primeneniya konfiskatsii imushchestva* [The Guarantees of Property Confiscation Legality]. *Institut konfiskatsii imushchestva v zakonodatelstve gosudarstv chlenov Soveta Evropy i v rossiyskom zakonodatelstve: materialy Mezhdunar. seminar. 26 okt. 2007 g. Belokurikha Altayskogo kraja* [Institute of Property Confiscation in the Legislation of the Member States of the Council of Europe and in the Russian Legislation: Proceedings of the International Seminar of 26 October 2007, Belokurikha of the Altai Krai]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo gos. un-ta, 2008, pp. 14-18.

9. Kuznetsova N.F. *Priznaki (svoystva) prestupleniya (gl. II)* [Features (Properties) of the Crime (Chapter II)]. Malinin V.B., ed. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. V 35 t. T. 3. Ponyatiye prestupleniya* [Encyclopedia of Criminal Law. In 35 vols. Vol. 3. The Concept of Crime]. Saint-Petersburg, Publication of Professor Malinin, 2005, pp. 47-109.

10. Livshits R.Z. *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow, BEK Publ., 1994. 224 p.

11. Makarov V.V. *Ontologicheskaya priroda sotsialnoy realnosti* [Ontological Nature of Social Reality]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsialno-gumanitarnogo znaniya* [News of Volgograd State Technical University. Problems of Social and Humanities Knowledge], 2004, vol. 1, no. 7 (1), pp. 5-12.

12. Marx K., Engels F. *Manifest kommunisticheskoy partii* [Communist Manifesto]. Marx K., Engels F. *Sochineniya. V 50 t. T. 4* [Collected Works. In 50 vols. Vol. 4]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1955, pp. 419-459.

13. Pakhar L.I. *Ontologicheskiye osnovaniya ponyatiya sotsialnoy realnosti* [Ontological Foundations of the Concept of Social Reality]. *Bulgakovskie chteniya*, 2010, vol. 3, no. 3, pp. 130-137.

14. *Postanovleniye Narodnogo komissariata yustitsii RSFSR ot 12 dekabrya 1919 g. «Rukovodyashchiye nachala po ugolovnomu pravu RSFSR»* [Resolution of the People’s Commissariat of Justice of the RSFSR of December 12, 1919 on the Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR]. Access from Reference Legal System ‘KonsultantPlyus’.

15. Prokhorov V.S. *Prestupleniye i otvetstvennost: monografiya* [Crime and Responsibility: Monograph]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1984. 136 p.

16. Soboleva A.K. *Topicheskaya yurisprudentsiya* [Topical Jurisprudence]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2001. 225 p.

17. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2003, no. 50, art. 4848.

18. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 10, art. 1162.

19. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 1 (part II), art. 212.

20. *Sobranie uzakoneniy RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1922, no. 15, art. 153.

21. *Sobraniye uzakoneniy RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1926, no. 80, art. 600.

22. Solovyev V.S. *Chteniya o bogochelovechestve. Dukhovnyye osnovy zhizni. Opravdanie dobra* [Readings about God-Manhood. Spiritual Foundations of Life. Justification of Kindness]. Minsk, Kharvest Publ., 1999. 912 p.

23. Solovyev E.Yu. *Proshloe tolkuet nas: (Ocherki po istorii filosofii i kultury)* [The Past Interprets Us: (Essays on the History of Philosophy and Culture)]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 432 p.

24. Lopashenko N.A., ed. *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast. Prestuplenie. Akademicheskiy kurs. V 10 t. T. V. Ponyatiye prestupleniya. Sostav prestupleniya* [The Criminal Law. Common Part. Crime. Academic Course. In 10 vols. Vol. 5. The Concept of Crime. Delicti]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 600 p.

25. Federalnyy zakon «O vnesenii izmeneniy v statyu 299 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i statyu 151 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» ot 19 dekabrya 2016 g. № 436-FZ [Federal Law ‘On Amendments to Article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation’ of December 19, 2016 No. 436-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 52 (part V), art. 7485.

Information about the Authors

Lyubov V. Lobanova, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, up@volsu.ru, lobanova@volsu.ru.

Alexey P. Rozhnov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, rozhnov@volsu.ru.

Информация об авторах

Любовь Валентиновна Лобанова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, up@volsu.ru, lobanova@volsu.ru.

Алексей Петрович Рожнов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, rozhnov@volsu.ru.